

Я. С. ОТРЕМБСКИЙ

СЛАВЯНО-БАЛТИЙСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ЕДИНСТВО

II. MORFOLOGIČESKIE JAVLENIA

Словообразование

В словообразовании славянских и балтийских языков проявляется большое сходство. В настоящей статье нет возможности доказывать это подробно; вскоре мне удастся, быть может, опубликовать особую работу на эту тему.

Здесь я хотел бы ограничиться сравнением слов со значением действующего лица (*nomina agentis*).

1. Образования с суффиксом *-(i)io-*: ст.-слав. *stražь*, русск. *сторож*: *strěšti*, *стеречь*; ст.-слав. *sp-rьbъ* «противник», ст.-польск. *sq-pierz*: ст.-слав. *prьrěti*; лит. *gaidỹs* «петух»: *giedóti* «петь»; лит. *vedỹs* «жених»: *věsti* «жениться»; лит. *žynỹs* «знахарь; кудесник»: *žinóti* «знать»; лит. *švilpis*, латыш. *svilpis* «название птицы»: лит. *švilpti* «свистеть».

2. Образования с суффиксом *-cio-*: др.-русск. *швѣй* (жен. род *швезя*) из **šw-ějъ* рядом со ст.-слав. *šw-ьсь*; лит. *davėjas* или *davėjas* «кто дает»: *dūoti* «дать», 3-е лицо прош. времени *davė*; *piovėjas* «жнец»: *piąuti* «жать», 3-е лицо прош. времени *piovė*.

3. Образования с суффиксом *-tāio-*. В славянских языках очень старым словом с суффиксом *-tajъ* является русск. *рамай*, польск. *rataj* и т. д., которому соответствует лит. *artójas*, прусск. *artoys*: ст.-слав. *orati*, русск. *орать*, польск. *orać* и т. д.; лит. *árti*; русск. *глашатай*: *glasiti*, *-глашати*; лит. *giedótojas*, латыш. *dziēdātājs* «певец»: *giedóti*, латыш. *dziēdāt*; лит. *darýtojas*, латыш. *darītājs* «делатель»: *darýti*, *darīt*.

4. Образования с суффиксом *-iko-, -ikio-*: ст.-слав. *борьсь*, русск. *борец*: *brati*, *бороться*; сюда относится очень старое соответствие: ст.-слав. *šwьсь* «сапожник, портной»: прусск. *schuwikis* «сапожник», лит. *siuvikas* и *siuvikis*: *siūti* «шить», 3-е лицо прош. времени *siuvo*; лит. *piovikas* «жнец»: *piąuti*, 3-е лицо прош. времени *piovė*.

5. Образования с суффиксом *-l(i)io-*: польск. *kowal*, русск. диалект. *коваль*: *kować*, *ковать*; русск. диалект. *враль* «лжец, врун»: *врать*; лит. *pirklỹs* «купец»: *pirkti* «купить»; *piršlỹs* «сват»: *piršti(s)* «сватать(ся)».

Существительные

Именная флексия в славянских и балтийских языках, в основном одна и та же. Чтобы наглядно показать доходящее до полного тождества

сходство именной флексии в обеих группах языков, я сопоставляю здесь склонение числительного «три» в старославянском и литовском языках:

им. п.	<i>trъje</i> из * <i>triĭes</i>	<i>trỹs</i> из * <i>triĭes</i>
род. п.	<i>trъjъ</i> из * <i>triĭōn</i>	<i>trijũ</i> из * <i>triĭōn</i>
дат. п.	<i>trъmъ</i> из * <i>trimus</i>	<i>trĩms</i> из ст.-лит. <i>trimus</i>
вин. п.	<i>tri</i> из * <i>trins</i>	<i>trĩs</i> из ст.-лит. <i>trĩs</i>
твор. п.	<i>trъmi</i> из * <i>trimis̄</i>	<i>trĩmis̄</i> из * <i>trimis̄</i>
мест. п.	<i>trъchъ</i> из * <i>trisu</i>	диалект. <i>trĩsũ</i>

Сравнивая приведенные парадигмы, следует иметь в виду еще и то, что форма им. падежа **triĭes* является, повидимому, славяно-балтийским нововведением; ср. санскр. *trayas*, лат. *tres* и греч. *τρεις* из **treies*.

Ниже я делаю попытку рассмотреть некоторые более сложные вопросы из области именной флексии.

Чередование *-āns*: *-ās* (слав. *-y*:*-a*). Что в славянской языковой группе гласный *y* получался в конечных слогах и из унаследованного *ā*, в этом позволительно сомневаться. Во всяком случае окончание *-y* в формах род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа типа ст.-слав. *ženy* следует объяснять иначе. Дело в том, что в славянской и балтийской языковых группах вин. падеж мн. числа в склонении слов на *-ā* обладал двумя не имевшими различий в значении формами, на *-āns* и на *-ās*. В современном литовском языке форме на *-ās* соответствует форма на *-as*, а именно — в склонении существительных и в несложном склонении прилагательных: *mergàs* (*mergà* «девочка»), *geràs* (*gerà* «добрая»); в восточолитовских диалектах существует до сих пор не только форма на *-as*, но и более древний вид ее на *-ōs*, а именно — в сложном склонении прилагательных: *geròs-ias*. Что касается формы на *-āns*, то она сохранилась в литовском литературном языке в сложном склонении прилагательных: *geràs-ias* (вин. падеж мн. числа жен. рода). В славянской языковой группе окончание вин. падежа мн. числа *-ās* дало *-a*, а окончание *-āns* изменилось в *-y*. Употребление окончаний *-āns*: *-ās*, одного или другого, было несомненно обусловлено положением слов в предложении. Быть может, например, форма на *-ās* употреблялась тогда, когда за ней следовала постпозиция, начинающаяся согласным *n*; ср. форму литовского директива мн. числа *galvòsna* (*galvà* «голова»).

С течением времени в славянской языковой группе под влиянием двойных форм вин. падежа мн. числа на *-a* и *-y* возникли двойные формы в им. падеже мн. числа, а также в род. падеже ед. числа. Иначе говоря, двойная форма **žena*: *ženy* имела не только в вин. падеже мн. числа, но и в им. падеже мн. числа, а также в род. падеже ед. числа. Впоследствии во всех трех падежах возобладала форма на *-y*. Она была удобней, так как отличалась от формы им. падежа ед. числа, которая имела окончание *-a*.

Чередование *-a*: *-y*, существовавшее одно время в склонении слов с основой на *-ā*, распространилось чисто формальным путем и на склонение причастий настоящего времени. Этим и объясняется ст.-польск. *rzeka* рядом со ст.-слав. *reky* (от *rešti*). Закономерной здесь является только форма на *-y* из **-on(t)s* (ср. лит. *vežãs*); польская форма на *-a* обязана своим возникновением чередованию *-a*: *-y*. Таким же образом следует толковать, повидимому, и соответственные древнерусские и старочешские причастные формы типа *ида*, *неса* или *йда*. Вторичное чередование *-a*: *-y* появилось даже в области наречий: русск. *когда*, *тогда*; польск. *kie(g)dy*, *te(g)dy*.

Чередование $-i\bar{a}-:-(i)\bar{e}-$. Чередованию $-y:-a$ в склонении основ на $-ā-$ соответствует в славянских языках чередование $-e:-\bar{e}$ в склонении основ на $-i\bar{a}-$. Рядом со старославянской формой род. падежа ед. числа и им. и вин. падежей мн. числа *zeml'ę* имеется древнерусская форма *земль*; формы с \bar{e} находим также в польском, лужицком, чешском и словацком языках: польск. (старое и диалект.) *ziemie* и т. д.

Мы полагаем, что в склонении слов типа ст.-слав. *zeml'a* суффикс обладал двумя формами: $-i\bar{a}-$ и $-(i)\bar{e}-$ (*i* этой формы суффикса в положении после согласного должно было исчезнуть). Форма суффикса $-(i)\bar{e}-$ свойственна была тем падежам, которые своим окончанием имели $-(n)s$ или $-s$: вин. падеж мн. числа $*zem-ie-ns > *zem-e-ns$ или $*zem-ie-s > *zem-e-s$ (ср. формы вин. падежа мн. числа $*ženā-ns$: $*ženā-s$, о которых говорилось выше); род. падеж ед. числа и им. падеж мн. числа $*zem-i\bar{e}-s > *zem-e-s$.

Чередование формы суффикса $-i\bar{a}-:-(i)\bar{e}-$, которое мы предполагаем в склонении слов типа ст.-слав. *zeml'a*, можно сравнить с подобным чередованием в середине слова: лит. *žiovauti*, латыш. *žavātiēs* «зевать»: ст.-слав. *zějŕ* «разевать»; лит. *liāutis*, \bar{e} -е липо прош. времени *lióvėsi* «перестать»: слав. $*lěviti$: укр. *livumu* «облегчать» и т. д.¹

Вин. падеж мн. числа обладал, как мы видели, двумя формами, с окончанием $-ns$ или $-s$: $*zem(i)ens$ или $*zem(i)es$, откуда впоследствии появилось $*zemę$ или $*země$. Для род. падежа ед. числа существовала сначала, по видимому, только одна форма: $*zem(i)es > *země$.

Формы вин. падежа мн. числа $*zem(i)ens$ или $*zem(i)es$ употреблялись, та или другая, лишь в определенных условиях, например, в зависимости от того, каким звуком начиналась постпозиция (ср. выше, что сказано об употреблении окончаний $-āns$ и $-ās$). Но позднейшие формы $*zemę$ [из $*zem(i)ens$] и $*země$ [из $*zem(i)es$] уже не зависели от этих условий. Именно вследствие этого, по образцу вин. падежа мн. числа, по два окончания получили также формы род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа: $*zemę$ и $*země$ из $*zem(i)es$.

В самостоятельной жизни славянских языков из двух употребляемых форм обобщена была везде только одна форма на $-ę$, как в старославянском языке, или на $-ě$, как в русском, польском и др., причем морфема, предшествующая окончанию, принимала такую форму, как в остальных падежах: вместо $*zem-ę$ в старославянском языке появилась форма *zeml'ę*, вместо $*zem-ě$ в русском возникла форма *земль* и т. д. Окончание $-ě$ в формах род. падежа ед. числа и им. и вин. падежей мн. числа сохранилось именно в этом виде; оно не было изменено после смягченных согласных в $-a$ также потому, что давало возможность отличить эти формы от столь важной формы на $-a$, как форма им. падежа ед. числа; ср. др.-русск. *душа*, род. падеж *душѣ*.

Чередование $-e:-\bar{e}$ распространилось чисто формальным путем на формы вин. падежа мн. числа у слов с основой на $-i\bar{o}-$: ст.-слав. *konę*, но др.-русск. *конѣ*, польск. *konie*. Соответствие $-e:-\bar{e}$ возникло и в формах им. падежа ед. числа муж. и ср. родов причастий настоящего времени. Рядом с формой $*chotę$, сохранившейся, например, в русск. *хотѣ*, появилась вторичная форма $*chotě$, которая в польском языке, по видимому, под влиянием причастий типа *rzeka* получила вид *chocia*. Подобным образом следует объяснять, по моему мнению, чешские диалектные формы *ved'a*, *id'a*: это древние формы *veda*, *ida*, преобразованные под влиянием таких, окончанием которых было первоначально $-e:-\bar{e}$. Раз возможно было воздействие форм причастий на $-a$ на формы с окончанием

¹ Ср. «Lingua Posnaniensis», IV, стр. 310.

-*ę*: -*ě*, то несомненно возможно было и обратное воздействие, т. е. замещение окончания *-a* окончанием *-ę*: ст.-слав. *grędę-i*, *nesę*, ст.-польск. *gzeę* и т. д. На то, что в этих формах *-ę* не первоначально, указывает твердость предшествующего согласного.

Чередование *-ia-*: *-(i)e-* свойственно было склонению основ на первоначальное *-ia-* и в балтийских языках. Здесь чередование это было устранено таким образом, что отдельные слога обобщили основу или на *-ia-*, или же на *-(i)e-*. Вследствие этого славянскому **zemia* (ср. ст.-слав. *zeml'a*, русск. *земля*) соответствует лит. *žemė*. Былают случаи, когда одно и то же слово обладает основой то на *-ia-*, то на *-e-*: лит. *girià* и *girė* «лес».

То обстоятельство, что и в славянских, и в балтийских языках сохранились следы существования основ с чередованием *-ia-*: *-(i)e-*, также служит очень важным аргументом в пользу первоначального славяно-балтийского единства.

Родительный падеж единственного числа у слов с основой на *-o-*. Очень важной общей особенностью славянских и восточнобалтийских языков в склонении слов с основой на *-o-* является форма род. падежа ед. числа *чз -a*: ст.-слав. *brata*, лит. *tėvo*, латыш. *tēva*. Форма эта не может быть продолжением ни индоевропейского аблатива на *-ōi*, так как *ō* изменяется в восточнобалтийских языках в *uo*, ни аблатива на *-at*, так как такой формы нигде нет.

Ввиду того, что формы род. падежа на *-a* нет в прусском языке, она не может считаться общепалатинской. Это, по видимому, общее славянское и восточнобалтийское новообразование.

Можно предположить, что рассматриваемая нами форма род. падежа ед. числа на *-a* тождественна по своему происхождению с морфемой на *-a-* в славянских образованиях на *-a-hъ*, в литовских на *-o-kas*, в латышских на *-a-ks*. Я имею здесь в виду существительные, означающие происхождение, и существительные уменьшительные:

польск. *rodak* «(свое о) рода человек»; *cielak* «теленок»;

лит. *Simokas* — *Simo sūnūs*; *tėvokas* «дедушка» — *tėvo*, *tėvas*, *telīdkas* «довольно большой теленок» (: *tėliās*).

Особый вопрос заключается в том, что первоначальное: форма род. падежа ед. числа на *-ā* или же образования на *-ā-ho-*. Как ни странно происхождение форм родительного падежа из существительных на *-ā-ho-*, но мне это представляется вполне возможным. Ведь не надо забывать, что в славянской языковой группе суффикс *-ho-* обладал, правда, не достаточно выясненной, но все же не подлежащей никакому сомнению структурной функцией; ср. ст.-слав. *kamy* и *kamy-kъ* (в том же значении); лит. *saldūs*; ст.-слав. *sladъ-kъ*. Поэтому не будет ничего невероятного в предположении, что и *-ho-* в образовании *-ā-ho-* в сознании предков славян и восточных балтов явилось структурным суффиксом. Я напомню, что уже давно некоторые ученые обратили внимание на латинское соответствие: *eri*: *eri-lis*.

Из сказанного следует, что славянский и восточнобалтийский родительный падеж на *-ā* означал первоначально только происхождение и лишь впоследствии получил также другие функции.

Дательный падеж единственного числа у слов с основой на *-o-*. Индоевропейская форма дат. падежа ед. числа оканчивалась у слов с основой на *-o-* циркумфлектированным долгим дифтонгом *-ōi*; ср. греч. *ἀδελφῷ*. Этот дифтонг уже в общеиндоевропейскую эпоху терял в определенных условиях вторую составную часть *-i*, так что окончанием дат. падежа ед. числа было еще *-ō*; ср. лат. *lupō*.

В литовском языке сохранились оба эти окончания. Индоевропейское $-ōi$ дало сначала $-uoī$, а затем вследствие сокращения дифтонга $-uo-$ дифтонг $-ui$; ср. лит. *viļkui*. К индоевропейскому окончанию $-ō$ восходит жемайтское $-ou$, $-ū$ и прусское $-u$.

Славянское окончание $-u$ (ср. ст.-слав. *bratu*) является продолжением дифтонга $-ōi$. В то время как $-ō$ превращалось через $ū$ окончательно в $-y$ (ср. выше), то же $-ō$, находясь в сочетании с $-i$, приостановилось в своем развитии на стадии $-ū$ (i). Упрощение долгого дифтонга $-ūi$ в $-ū$ относится ко времени, когда процесс превращения первоначального $ū$ в y был уже закончен.

Мы пришли, таким образом, к заключению, что нет существенного различия между славянским окончанием $-u$ и литовским $-ui$.

Именительный падеж мн. числа типа *vaikaĩ*. Форма им. падежа мн. числа существительных муж. рода с основой на $-o-$ в литовском языке имеет окончание $-aĩ$ с циркумфлексом: *vaikaĩ* (: *vaikas* «дита, мальчик»), в то время как та же форма прилагательных с основой на $-o-$ обладает в сложном склонении окончанием $-ie-$ с акутом, в несложном склонении окончанием $-i$: *gerie-ji*, *geri*. Как видно, мы имеем здесь дело с двумя окончаниями, которые нет возможности возвести к одному.

С исторической точки зрения регулярным является только окончание прилагательных $-ie$, $-i$, которое соответствует индоевропейскому акутированному окончанию $-oi$. Оно свойственно было первоначально местоимениям (ср. греч. гомер. *toi*) и только с течением времени распространилось на прилагательные. В славянских языках индоевропейское местоименное окончание им. падежа мн. числа $-oi$ перешло не только на прилагательные, но и на существительные: ст.-слав. *ti*, *novi*, *vľsci*.

Что касается форм типа *vaikaĩ*, то они, по моему мнению, произошли из преобразования древних собирательных существительных с окончанием $-(i)ā$ в именительном падеже.

Собирательные существительные имелись и в славянских, и в балтийских языках. Значительное количество их обладало в именительном падеже окончанием $-(i)ā$. В славянских языках форма собирательных существительных на $-(i)ā$ является обычно в функции им. и вин. падежей мн. числа среднего рода: ст.-слав. *iga*. Но в балтийских языках формы собирательных существительных на $-(i)ā$ стали обычно формами мн. числа мужского рода. Окончание им. падежа $-(i)ā$ не было, однако, при этом просто замещено имеющимся у местоимений и прилагательных окончанием им. падежа мн. числа $-(i)ai$ (индоевропейское $-oi$), но преобразовано под его влиянием: получило от него второй элемент $-i$, вследствие чего появилось новое окончание $-(i)ā-i$ как бы в результате стяжения, а потому с циркумфлексом. Это окончание $-(i)ai$ было свойственно сначала только собирательным существительным, но с течением времени оно распространилось на все существительные с основой на $-o-$ и $-jo-$. Вот пример преобразования первоначального собирательного существительного на $-iā$ в литовское существительное мн. числа на $-iai$: русск. *сажа*, польск. *sadza*; лит. *sūodžiai* (или *sūodys*).

Итак, я считаю формы типа *vaikaĩ* продолжением форм древних собирательных существительных на $-ā$. Выдвигая эту гипотезу, я принимаю во внимание наряду с другими и следующие соображения.

В литовском языке имеется в настоящее время значительное количество слов, употребляемых только во множественном числе, тогда как соответствующие им по значению славянские слова употребляются в единственном числе. Следует полагать, что и в те отдаленные времена,

о которых здесь идет речь, дело обстояло так же. Все это указывает на значительную роль собирательных существительных на $-(i)\bar{a}$ [$>-(i)\bar{a}i$] в литовском языке. Вот примеры: *kraujaĩ*: кровь; *pūliai*: еnoj; *sakai*: смола; *dūtai*: дым; русск. *пух*, польск. *puch* является в литовском языке в форме *pikai*.

В литовском языке имеются слова на $-(i)ai$, которые обладают, правда, и единственным числом, но лишь как своего рода сингулятивом по отношению к обычной форме множественного числа. Здесь ограничимся приведением лишь названий хлебов — соответственные славянские названия употребляются обычно в единственном числе:

rugiai «рожь»; *rugys* «отдельное зерно ржи»;

mišžiai «ячмень»: *mišžis*;

kviečiai «пшеница»: *kvietyš*;

pūrai «озимая пшеница»: *pūras*;

grikai или *grikiai* «гречиха»: *grikas* или *grikis*;

avižos «овес»: *avižà* и т. д.

Из приведенных сопоставлений явствует, что собирательные существительные на $-(i)\bar{a}$ -, после их преобразования в существительные множественного числа мужского рода на $-ai$ или $-iai$, должны были по необходимости вызвать и соответствующее преобразование форм единственного числа: существительные среднего рода (с основой на $-o-$ или $-io-$) становились существительными мужского рода. Славянское слово **zъrno* (русск. *зерно*) было искони среднего рода; ср. лат. *granum*, гот. *kairn* (ср. род). В лит. *žirnis* (и латыш. *ziņnis*) «зерногороха, горошилка» и основа на $-io-$, и мужской род (и значение) являются несомненно вторичными. Форма ед. числа *žirnis* (*ziņnis*) была образована лишь на основании формы мн. числа *žirniai* (: *ziņni*), которая произошла, по видимому, из более древней собирательной формы **žirniā*, возникшей под влиянием других названий хлебов на $-iā > -iai$. Реконструируя форму **žirniā*, мы основываемся на прусской форме *syrne* (жен. род) «зерно», с основой на $-(i)\bar{e}$ -, которая представляет собой лишь разновидность основы на $-iā$ -.

*

Мы нашли, как полагаем, главную причину исчезновения категории среднего рода в литовском и латышском языках. Решительный толчок в этом направлении дало преобразование давних собирательных существительных на $-(i)\bar{a}$ в формы им. падежа мн. числа муж. рода на $-(i)\bar{a}i$ и наступившее вслед за этим преобразование формы единственного числа среднего рода в формы мужского рода. Ход развития представим на примере литовского слова «иго»: **jugan* (ст.-слав. *igo*, лат. *iugum* и т. д.); собирательная форма **jugā* (ср. ст.-слав. *iga*) $>$ **jugan*: им. падеж мн. числа муж. рода **jugāi* $>$ *jūngas*: *jūngai* (где *n* появилось под влиянием глагола *jūngti* «соединять»).

Особенностью собирательных существительных является то, что они имеют при себе глагольное сказуемое в форме 3-го лица единственного числа. Значительная роль категории собирательных существительных в балтийских языках влекла за собой, конечно, более широкое, чем обычно, употребление глагольных форм 3-го лица единственного числа вместо множественного. Это и было, по моему мнению, главной или одной из главных причин вытеснения глагольной формы 3-го лица множественного, а затем и двойственного числа формой единственного числа.

Прилагательные

Выдающейся общей особенностью славянских и балтийских языков является сложное склонение прилагательных. Оно состоит в том, что к обычной форме прилагательного присоединяется соответственная форма местоимения *-io-*, жен. род *-iā-*. Образованные таким образом формы прилагательных в историческое время имеют значение определенных. Но первоначальное значение местоимения *-io-*, *-iā-* точно не установлено: это могло быть или анафорическое, или же относительное местоимение. В последнее время ученые придерживаются мнения, что данное местоимение обладало скорее относительной функцией. Старославянское выражение *žena slěraja* значило, согласно этому толкованию, сначала «женщина, которая слепа». Литовское предложение *Sniėgolaukuosė sunkū pastebėti baltąjį kiškį* значит в настоящее время «На снежных полях трудно заметить (именно) белого зайца», раньше: «... зайца, который бел». Однако как бы мы ни толковали первоначальное значение местоимения в сложных формах прилагательных, оно исполняет в историческое время ту же роль, что немецкий артикль: в приведенных выше примерах оно выделяет из всех возможных женщин ту, которая слепа; из всех возможных зайцев — того, который бел.

Мы назвали сложное склонение прилагательных в славянских и балтийских языках их выдающейся общей особенностью, так как такое новообразование не встречается ни в одном другом индоевропейском языке. Лишь в иранских языках находим до известной степени сходный процесс — употребление рядом с прилагательным местоимения с относительным значением.

В славянских языках наблюдается в историческое время процесс вытеснения простого склонения в пользу сложного. Сейчас формы простого склонения употребляются в общем только для выражения именного сказуемого. Типичен в этом отношении русский язык: *хороший человек*, но *он хорош*; в польском языке и именное сказуемое получает уже, за незначительными исключениями, сложную форму прилагательного. В литовском языке употребительны, правда, и сейчас еще обе формы, но различие между ними постепенно теряет прежнее значение. Лучше всего сохранено различие между формами простого и сложного склонения в латышском языке, но это объясняется влиянием немецкого языка.

В известной, но пока еще не выясненной связи со сложным склонением прилагательных находится, по моему мнению, свойственное славянским и балтийским языкам распространение основ причастий действительного залога в их склоняемых формах при помощи суффикса *-io-* (жен. род *-iā-*):

ст.-слав. род. падеж. ед. числа причастия наст. времени *vedqšta*: лит. *vėdančio* — основа **vedont-io-*;

ст.-слав. род. падеж ед. числа причастия прош. времени *vedzša*: лит. *vėdusio* — основа **vedus-io-*;

ст.-слав. *byšęšt-*: лит. род. падеж ед. числа причастия будущего времени *būšiančio* — основа **būšiont-io-*.

Местоимение

Унаследованные из индоевропейского языка личные местоимения претерпели и в славянских, и в балтийских языках значительные изменения. Несомненно, что эти изменения относятся главным образом к эпохе раздельного, самостоятельного развития обеих групп. В исторических пара-

дигмах личных местоимений сохранились все же формы, указывающие на первоначальное единство. Обратим здесь внимание именно на те формы, которые имеются только в славянских и балтийских языках и которые, таким образом, служат аргументом в пользу особенно близкого родства этих языков:

др.-русск. *мынь* (дат. падеж): лит. (жем.) *muņei* из **munie*, латыш. диалект. *muņ*;

ст.-слав. *nasъ* (род. падеж): прусск. *nūson* (где *ū* вторичного происхождения).

Старославянские энклитические формы дат. падежа ед. числа *mi*, *ti*, *si*: лит. *mi*, *ti*, *si* (первые две формы встречаются в старых текстах и диалектно) из **mei*, **tei*, **sei*; в других индоевропейских языках имеются соответственные формы для 1-го и 2-го лица (греч. *μοι*, *τοί*; санскр. *me*, *te*), но их нет для возвратного **sei*.

Старославянским притяжательным местоимениям *mojъ*, *tvojъ*, *svojъ* соответствуют точно прусские *mais*, *twais*, *zwais*. Лишь *mojъ*: *mais* может считаться очень древним образованием, производным, повидимому, от формы дат. падежа ед. числа **moi* с притяжательным значением; так же образовано лат. *meus* из **mei-os*. Но формы *tvojъ*: *twais*, *svojъ*: *zwais* являются, повидимому, славяно-балтийскими новообразованиями.

Состав неличных местоимений в славянских и балтийских языках тот же: ст.-слав. **jъ*, *je*, *ja* (род. падеж *jego*, *jejъ*): лит. *jis*, *ji*; ст.-слав. *съ* (*съjъ*), *se*, *si*: лит. *šis*, *ši*; ст.-слав. *тъ*, *то*, *та*: лит. *tās*, *tā*; ст.-слав. *онъ*, *ono*, *ona*: лит. *anās* (*añs*), *anā*; ст.-слав. *къ-то*, *ѣ-то*: лит. *kās*; ст.-слав. *всь*, *всье*, *всьа*: лит. *visas*, *visà*.

В склонении обращает на себя внимание форма дат. падежа ед. числа муж. и ср. родов. В славянской и восточнобалтийской языковой группе она обладает окончанием *-mōi*, в то время как в прусском языке окончанием *-smōi*, с *s* перед *m*: ст.-слав. *tomu*; лит. *tamui*, *tām*, латыш. *tam*; прусск. *stesmu* (ср. санскр. *tasmai*).

В славянских языках имеются качественные местоимения, образованные при помощи суффикса *-ko-*, жен. род *-kā-*: ст.-слав. *kakъ*, *kako*, *kaka*; *takъ*, *tako*, *taka* и т. д. Такие же образования находим и в литовском языке, но здесь они приняли форму на *-k-jo-*, жен. род *-kia-*: *kōks* (род. падеж ед. числа *kōkio*), *kokiā*; *tōks* (*tōkio*), *tokiā* и т. д.; суффикс *-jo-*, *-jā-* выполняет, повидимому, ту же роль, что и *-ovъ*, *-ovo*, *-ova* в ст.-слав. *kakovъ*, *-vo*, *-va*; *takovъ*, *-vo*, *-va* и т. д. В латышском языке этим образованиям соответствуют *kāds*, *tāds*, с суффиксом *-ā-do-*, а в прусском: *stawiðs* (: *stas*).

Глагол

В области глагольной флексии славянских и балтийских языков обращает на себя внимание прежде всего одинаковое образование настоящего времени глагола «дать»: ст.-слав. *damъ*, 3-е лицо *dastъ*: ст.-лит. *dūomi*, 3-е лицо *dūost(i)*, прусск. *dāst*. Эти формы произведены от атематической основы **dōd-*; ср. причастие настоящего времени действительного залога мужского рода: ст.-слав. *dady*: лит. *dūodas*. Происхождение основы **dōd-* до сих пор остается не выясненным. По моему мнению, она представляет собой исключительный случай помещения удваивающего элемента после корня: **dō-d-*. Основы, произведенной таким именно образом, нет ни в одном индоевропейском языке; ср. санскр. *dadāmi*, греч. *δίδωμι*, где удвоительный слог (*da-*, *di-*) предшествует корневому. Образование настоящего времени глагола «дать»,

общее для славянской и балтийской групп, является очень важным аргументом в пользу их первоначального единства.

Удивительное сходство наблюдается в построении основ у глаголов типа ст.-слав. *vesti*: лит. *vėsti*. Рядом с инфинитивом *ves-ti*: *vės-ti* имеются формы: 3-е лицо ед. числа наст. времени *ved-e-tъ*: *vėd-a*, 3-е лицо ед. числа имперфекта *ved-ě-jaše*: 3-е лицо прош. времени *vėdē*. Основа инфинитива у этих глаголов равна корню; основа настоящего времени обладает тематическим гласным *e:о*, причем в балтийских языках гласный *o > a* распространяется на все формы парадигмы; морфема славянского имперфекта *ved-ě-* тождественна с основой литовского прошедшего *vėdē-*, 1-е лицо мн. числа *vėdē-me*. Следует еще сказать, что указанное сосуществование и распределение основ замечается у тех же глаголов: *nesti*: *něsti*, *vesti*: *vězti*, *mesti*: *mėsti* и т. д.

В славянских языках имеются глаголы, которые при основе инфинитива на *-ě-* имеют основу настоящего времени на *-ī-*: ст.-слав. *vidě-ti*: 1-е лицо мн. числа наст. времени *vidi-mъ*. Такие же глаголы имеются и в балтийских языках, с той только разницей, что здесь славянскому *ī* соответствует литовское *i*: лит. *turė-ti* «держать, иметь»: 1-е лицо мн. числа наст. времени *tūrimė*; латыш. *turēt* «держать»: *turim*; прусск. *turīt* «иметь»: *turimai*. Однако следует заметить, что в некоторых латышских диалектах встречаются иногда формы, содержащие основу настоящего времени с *i*: *gulīms* (: *gulēt* «спать») и др. Сохраняют ли эти диалектные формы старину? Как бы то ни было, существование глаголов на *-ě-: -ī-* в славянских и во всех балтийских языках является их очень важной общей особенностью — ни в одном из остальных индоевропейских языков до сих пор не найдено аналогичного распределения *ē:ī* в глагольной системе.

Происхождение славянского имперфекта еще не выяснено полностью. Весьма возможной мне кажется его связь с балтийским прошедшим временем на *-e-* (и на *-ā-*). Иначе говоря, я предполагаю связь, например, старославянской формы 3-го лица ед. числа *vedě-jaše* с литовской формой 3-го лица *vėdē*. Ученые толкуют обычно славянский имперфект как сложную форму, содержащую вспомогательный глагол *-jaše*, 1-е лицо ед. числа *-jachъ*. Такое сложное прошедшее время имелось некогда, быть может, и в балтийских языках. В дальнейшем развитие пошло двумя различными путями. В славянских языках вспомогательный глагол, употребление которого в спряжении было факультативно, стал неотъемлемой составной частью имперфекта, в то время как в балтийских языках пропуск вспомогательного глагола стал обычным явлением, так что на основании первой составной части **vede-* была образована новая, уже простая форма прошедшего времени: **vedē-u* (лит. *vedžiau* и т. д.). В славянских языках формы имперфекта типа *vedě-jachъ* нашли сильную поддержку со стороны таких форм, как *dě-jachъ* (: *děti*, *dějati*), с сочетанием *-ěja-*. Формы имперфекта, как *spě-jachъ*, возникли, повидимому, вследствие преобразования формы, соответствующей литовскому прошедшему *spėjo* (ст.-слав. *spěti* = лит. *spėti*).

Я не могу рассматривать здесь вопрос о происхождении славянского имперфекта во всех подробностях, но настаиваю на том, что, например, морфема *vedē-* в ст.-слав. *vedě-jachъ* и основа *vedē-* в лит. *vėdē* (3-е лицо), *vėdē-me* (1-е лицо мн. числа) и т. д. — одно и то же.

Для балтийских языков очень характерна до сих пор альтернатива вокализма в корне глаголов, служащая одним из средств противопоставления основам настоящего времени основ прошедшего времени и обычно

также инфинитива. Имею здесь в виду в первую очередь такую альтернацию, когда чередуются вокализм на ступени нормальной и вокализм на ступени редукции. Вот примеры из литовского языка:

liēka (из **leika*): *liko*; *likti* «остаться»;

lenda: *liñdo*; *liñsti* (из **liñd-ti*) «лезть»;

peñka: *piñko*; *piñkti* «купить».

Славянские языки также располагали подобной альтернативой вокализма, но она рано перестала играть в них прежнюю роль. Следы альтернативы вокализма в системе спряжения отдельных глаголов сохранились в старославянском языке. Приведем примеры:

1-е лицо ед. числа наст. времени *židp*; инф. *žydati*; 1-е лицо ед. числа наст. времени *vlěkp* из **velkp*, повел. накл. *-vlěci*; инф. *vlěšti* из **velkti*; причастие прош. времени *-vlěkъ* из **vilk-*, **vilk-* (ср. лит. *vilk-ēs*).

Иначе распределены формы чередующегося вокализма в спряжении, например, глагола *čisti*: 1-е лицо ед. числа наст. времени *čьtp*, повел. накл. *čьti*, 2-е и 3-е лицо ед. числа аор. *-čьte*, причастие прош. времени *čьtъ* и *čьlъ*; инф. *čisti*, суп. *čistъ*; 3-е лицо мн. числа аор. *čise*.

В отдельных славянских языках была обобщена одна из двух форм корня с чередующимся вокализмом. Так, например, в польском языке возоблудала форма **wlek-* из **velk-*: *wleke*, *wlec*, *wlekli*, но в словинском, наоборот, форма **vilk-*: *vūcēm*, *vūci*. Что касается глагола *čisti*, то в русском языке взяла верх форма его корня **cъl-*: *чту*, *про-чсть*, *про-чли* и т. д.

В тесной связи с устранением альтернативы вокализма и обобщением одной формы глагольного корня находится в славянских языках устранение другой внутренней характеристики глагольной основы — носового инфикса (*n*). В литовском языке носовой инфикс *n* (*m*) играет еще до сих пор огромную роль в образовании настоящего времени с инкоативным значением: *pra-būnda*: *-būdo*; *-būsti* «пробуждаться»; *šviñta*: *švito*; *švistu* «рассветать».

Когда конечным согласным корня является *j*, *l*, *r*, *m*, *s*, *z*, *š*, *ž*, носовой инфикс исчезает, а предшествующий ему гласный становится долгим: *būla* из **ba-n-la*: *bālo*, *bālti* «становиться белым»; *driška* из **dri-n-ska* (в некоторых диалектах до сих пор сохраняется форма *driñskal*): *drisko*, *drikti* «становиться рваным».

В славянских языках носовой инфикс как таковой перестал существовать очень рано. В старославянском языке сохранились лишь остатки форм с этим элементом, точнее говоря — с носовыми гласными вместо *n* и предшествующего ему гласного: *legp*, *lešti* (русск. *лягу*, *лечь*); *sedp*, *žesti* (русск. *сяду*, *сесть*). Обычное явление — это суффикс *-no-*: *-ne-*, в инфинитиве *-nq-*; лит. *bundū*; ст.-слав. *vъz-bъnq* из **bъd-nq*; лит. *šviñta*; др.-русск. *свыцти* из **svьl-nq-ti*.

Преобразованию форм с носовым инфиксом в формы с суффиксом, содержащим *n*, благоприятствовало наличие глаголов типа ст.-слав. *stanp*, *stati*, где суффикс *-no-*: *-ne-* следует за корнем с конечным гласным: *sta-nq*.

Итак, столь важные особенности балтийских языков, как альтернатива корневого вокализма и носовой инфикс *n*, употребляемые с целью характеристики глагольных основ, были свойственны и славянским языкам. Но здесь они рано перестали играть свою прежнюю роль. На новой стадии развития языков более выразительным средством, чем, например, носовой инфикс, был суффикс с согласным *n*.

Старым отличием славянских и балтийских языков Я. М. Эндзелин считает то, что форма 2-го лица ед. числа настоящего времени

имеет в старославянском языке окончание *-ši*, в то время как в литовском и латышском *-i*: ст.-слав. *berěši*: лит. *juntì*, латыш. *jùti*, в возвратных формах *-ie-*: *juntie-s*, *jùtiē-s*, хотя здесь необходимо считаться с тем, что подобное оформление этих окончаний не было первоначальным ни в славянских, ни в балтийских языках.

Старославянское окончание *-ši* произошло, по всей вероятности, из *-sei* в положении после гласного *i*, как, например, в *prosiši*, и только впоследствии распространилось на формы с другими гласными перед окончанием: *berě-ši*, *ima-ši*. Прежняя форма окончания *-sei* (с *s*) сохранилась в атематическом спряжении: *dasi* из **dad-si* (: *dati*), *jasi* из **ěd-si* (: *jasti* «кушать») и т. д.

Предполагаемое здесь окончание *-sei*, конечно, в свою очередь, не первоначально. Его возникновение можно представить следующим образом. Форма 2-го лица ед. числа наст. времени вспомогательного глагола **esi* (ср. санскр. *asi*), окончанием которой служило одно *-i*, была совершенно изолирована, вследствие чего в отношении окончания она уподобилась тематическим формам с *-ei*, т. е. приняла вид **esei*. Впрочем таким же образом *-ei* могло проникнуть, например, и в **dasi*, где *s*, при наличии формы 3-го лица ед. числа **das-ti*, казалось составной частью основы. Впоследствии формы типа **dasei* уже осознавались иначе. Под влиянием таких форм, как 1-е лицо ед. числа **dami*, форма **dasei* в сознании говорящих обладала окончанием *-sei*. Именно это окончание *-sei* распространилось на все формы, в которых окончанию 3-го лица ед. числа *-ti* предшествовал гласный: **berē-ti*: **berē-sei* и т. д.

На то, что окончание *-sei* возникло прежде всего в атематическом спряжении, указывают косвенно данные прусского языка: *waisei* из **void-sei*: ст.-слав. *věsi*.

В литовском и латышском языках всюду возобладало первоначальное тематическое окончание *-ši* или его позднейшие формы: *-ie-* в возвратном залоге и *-i* в действительном. Балты в этом отношении пошли другим путем, нежели славяне, что, однако, кажется довольно понятным: балты сохранили формы 2-го лица лит. *juntie-si*, *juntì*, так как эти формы не отличались количеством слогов от форм 3-го лица; в противоположность балтам славяне образовали новые формы типа *berěši*, так как последние, ввиду наличия трехсложных форм 3-го лица **bereti* и др., были в данном языке пригоднее.

Итак, различие в образовании форм 2-го лица ед. числа настоящего времени, вопреки Я. М. Эндзелину, не может служить аргументом против единства славянских и балтийских языков.

Индоевропейским языкам были свойственны первоначально две категории с суффиксальным элементом *s*: аорист и будущее время. Замечательно то, что и в славянской, и в балтийской языковых группах обе эти сигматические категории сведены в одну — с тем отличием, что в славянских языках сохранился только сигматический аорист, между тем как в балтийских языках — только будущее время. На то, что в славянских языках, кроме аориста, имелось и сигматическое будущее, указывает сохранившееся в церковнославянских текстах русской редакции причастие с основой *byšęši-*. Что касается сигматического аориста в балтийских языках, то здесь не замечено до сих пор никаких его следов.

К сожалению, нам неизвестна та первоначальная парадигма сигматического аориста, из которой произошел исторический старославянский аорист. Мы не знаем также первоначальной парадигмы будущего времени в балтийской языковой группе. Восстановление парадигмы будущего времени в литовском языке представляет особенные трудности. Дело в том, что

здесь имеются как бы две парадигмы: с основой на *-si-* и с основой на одно *-s-*. Так, в диалекте волости Твереч употребляются для 1-го и 2-го лица мн. числа по две формы, с небольшой разницей в значении, например, от глагола *věžiti: vēšme: vēšim, vēšte: vēšit* из **věž-s-mě: *věž-si-mě, *věž-s-tě: *věž-si-tě*.

Форма 3-го лица будущ. времени и в литовском литературном языке, и в диалектах имеет обычно не окончание *-si*, но одно *-s*, в положении перед которым происходят изменения, свойственные первоначальному конечным слогом: 1-е лицо ед. числа *áugsiu*: 3-е лицо *aūgs, darýsiu: darýs*; в односложных формах так называемых непроезженных глаголов литовского литературного языка акутированные долгие гласные *ý* и *ū* подвергаются сокращению: *lis* [:*lyti* «лить (о дожде)»]; *būsiu: būs*. Что касается форм 3-го лица будущ. времени, как *būsigu* (Даукша, Post. 181_s), то в них *i* появилось как известного рода разделительный гласный.

Основываясь на приведенных данных, Педерсен предположил, что балтийское будущее время в 3-м лице ед. числа имело суффикс не *-si-*, а *-s-* и что, таким образом, форма *būs* восходит к древней форме **būst*; аналогическое образование имеется в оскском языке: *just* «erit».

Реконструированная Педерсеном форма балтийского будущего **būst* (> лит. *būs*) ничем не отличается от той, к которой следует возвести форму 3-го лица ед. числа славянского аориста: ст.-слав. *by*. Повидимому, у нас здесь налицо одна и та же форма индоевропейского сигматического аориста, продолжением которого в славянской языковой группе является сигматический аорист, в балтийской же — его разновидность, так называемый инъюнктив — будущее время.

В качестве инъюнктива сигматический аорист употреблялся и в славянской языковой группе, но он вышел из употребления, так как здесь в связи с возникновением категории видов понадобились новые средства для выражения будущего времени — сложное настоящее: *sz-dělař* и описательная форма: *bodř dělati*; одним из остатков древнего инъюнктива является упомянутое выше *byšęšt-* (вряд ли это остаток индоевропейского будущего времени).

В литовском языке возобладал сигматический аорист в функции инъюнктива. В этом качестве он совпал окончательно с унаследованным от индоевропейской эпохи сигматическим *futurum*'ом, суффиксом которого было *-sio-* (ср. причастие *būsiąs* = латыш. *būšus*) и *-si-* (1-е лицо мн. числа *būšime*). Смешением двух первоначально разных сигматических образований объясняются именно указанные выше двойные формы литовского будущего.

Подводя итоги предыдущему изложению, следует сказать, что и славянские, и балтийские языки располагали сначала сигматическим аористом, употребляемым в двух функциях: собственно аориста и инъюнктива. С течением времени инъюнктив как таковой перестал существовать. В славянской языковой группе возобладал собственно аорист; в балтийской — инъюнктив совпал с древним индоевропейским *futurum*'ом.

Только теперь мы приблизились к решению вопроса о происхождении загадочного факультативного окончания *-st* и *-t* в старославянских формах 2-го и 3-го лица ед. числа сигматического аориста: *by: bystь; da: dastь; iz-ě: sьn-ěstь; u-mrě: u-mrětь; pi: pitь (:piti); pro-kletь (:kletь)* и т. д. В том же значении, что инъюнктив-будущее **dast* (:*dati*), **ěst* (:*ěsti*), употреблялось в известный период развития славянской языковой группы и настоящее время **dastь*; ср. русск. *дам*, польск. *dam*. В связи с этим форма **dast* была приравнена форме **dastь*, чем и объясняется сохранение в этой форме сочетания *-st* на конце слова.

Итак, **dastъ* — форма первоначально 3-го лица ед. числа наст. времени — стала также и формой аориста, поскольку он употреблялся в значении инфинитива. Лишь с течением времени **dastъ* стало формой аориста вообще, т. е. разновидностью регулярной формы аориста, притом не только 3-го, но и 2-го лица ед. числа — как *da*. Сосуществование формы 2-го и 3-го лица ед. числа *da*: **dastъ* (ст.-слав. *dastъ*) дало толчок к образованию рядом с *ě* из **ěst* (от *ěsti*) вторичной формы **ěstъ* (ст.-слав. *ěstъ*), а рядом с *by* — вторичной формы **bystъ* (ст.-слав. *bystъ*).

В парадигмах формы *dachъ* 2-е и 3-е лицо *dastъ* разлагались на *dachъ*, *das-tъ*, так как обычно *ch:s* были двумя разновидностями одного и того же элемента. Но вследствие этого *-tъ* формы *das-tъ* являлось в сознании говорящих окончанием в собственном смысле. Оно и было распространено на ряд односложных форм аориста с формой на *-chъ* в 1-м лице ед. числа: ст.-слав. *pichъ*, 2-е и 3-е лицо *pi* и *pitъ* (: *piti*) и т. д. Формы типа *pitъ* были удобнее, чем формы типа *pi*, ибо состояли и из двух слогов, как и большинство форм данной парадигмы.

III. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Сравнительный синтаксис славянских и балтийских языков до сих пор мало еще разработан, но сходство этих языков в отношении синтаксического строя признается всеми исследователями. Особенно важно существование наиболее общих характерных особенностей. Указывают прежде всего на две такие особенности: широкое употребление родительного падежа вместо винительного при глаголах с отрицанием (русск. *Он ничего не видит*: лит. *Jis nieko nemato*) и употребление именного сказуемого в форме творительного падежа.

IV. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Вопрос о словарном составе обеих групп языков поднимался уже неоднократно. Я. М. Эндзелин составил некогда довольно длинный список слов (до 200), общих для славянских и балтийских языков², а Я. Розвадовский дал, наоборот, перечень словарных различий в славянских и балтийских языках³. Р. Траутманн составил даже особую книгу «*Baltisch-slavisches Wörterbuch*» (Göttingen, 1923), но эта книга вследствие неудобного расположения в ней материала не дает надлежащего представления о сути дела.

Мы не можем останавливаться здесь на подробностях и коснемся некоторых вопросов лишь вскользь. Прежде всего, следует сказать, что доказательную силу имеет только список балто-славянских соответствий, представленный Я. М. Эндзелином. Во-первых, это слова, даже корни которых не найдены до сих пор в других индоевропейских языках: ст.-слав. *telъсь*, русск. *теленки*: лит. *tėliās*, латыш. *tel'š*; русск. *вброн*, жен. род *ворбна*, чеш. (*ha*) *vran*, жен. род *vrána*: лит. *vařnas*, жен. род *vārna* (ср. укр. *ká-ворон*: лит. *kó-varnis*); ст.-слав. *metъ*, *mesti* «бросить», *po-mětati*: лит. *metù*, *mėsti* «бросить», латыш. *mētāt*. Затем в списке Я. М. Эндзелина имеются общие новообразования от корней достоверно известных из других индоевропейских языков, как, например, лит. *žiemà*, вин. падеж *žiema*: серб. *zima*, вин. падеж *zimi* рядом с греч. $\chiειμών$,

² См. И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, стр. 193 и сл.

³ См. «Rocznik slawistyczny», t. V, 1912, стр. 16 и сл.

лат. *hiems*. Такие новообразования являются весьма убедительным доказательством в пользу гипотезы о тесной связи славянских и балтийских языков.

Следует добавить, что список Я. М. Эндзелена никоим образом не может претендовать на полноту. Лишь несколько лет тому назад было указано, что слова от индоевропейского корня **lugh*-«врать» сохранились не только в славянских языках (ср. ст.-слав. *lŭgati*, *lŭžь* и т. д.), но и в литовском: *tūginaitė pabuczėwimas* «предательский поцелуй» (у Даукши); *melūgis* «лгун» из **me(l)-lugis*⁴.

Перечень словарных различий, представленный Я. Розвадовским, не обладает, по нашему мнению, доказательной силой.

Рассмотрим одну группу различий — слова, обозначающие части тела. Балтийские языки имеют те же слова, что и славянские, в тех случаях, когда часть тела совершенно определена и не может быть сомнений в понимании того, о чем идет речь:

«голова»: ст.-слав. *glava*, русск. *голова*: лит. *galvā*, латыш. *galva*, прусск. *gallū*, *galwo*;

«глаз»: ст.-слав. *oči*: лит. *akis*, латыш. *acs*, прусск. (мн. число) *ackis*;

«ухо»: ст.-слав. *uši*: лит. *ausis*, латыш. *auss*, прусск. (вин. падеж мн. числа) *ausins*;

«нос»: русск. *нос*, польск. *nos* и т. д.: лит. *nosis*, *-ies*, латыш. (мн. число) *nāsis* «ноздри; нос», прусск. *nozy*; славянское слово отличается от литовского и прусского и в отношении корневого согласного, и в отношении гласного основы;

«рука»: ст.-слав. *roka*: лит. *rankà*, латыш. *rūoka*, прусск. *rancko*;

«скила»: ст.-слав. *žila*: лит. *gýsla* (жем. *gįsla*), латыш. *dzisla*; прусск. *pette-gįslo* «Rückenader»; происхождение *s* в балтийском слове до сих пор не выяснено; жем. *gįsla* получило вторичное *n* (**gįnsla*);

«легкие»: ст.-слав. *plūšta*, польск. *pluca*, др.-прусск. *plūocha*: лит. *plaučiai*, латыш. *plauši*, прусск. *plauti*;

«сердце»: ст.-слав. *srъdce*, русск. *сердце*: лит. *širdis*, *-iēs*, латыш. *siņds*, прусск. *seyr* из **šerdl*.

Различия получились также и тогда, когда название известной части тела не достаточно определено по значению.

Славянскому *noga* (русск. *нога* и т. д.) можно противопоставить литовское слово *kōja*, латышское *kāja*. Но слова, соответствующие слав. *noga*, имеются и в балтийских языках. Прусск. *nage* обладает даже тем же значением. Значение лит. *naga*, *-ōs* и латыш. *nags* «копыто (у животных), коготь (у птиц), ноготь (у человека)», правда, иное, но не настолько, чтобы нельзя было согласовать его со значением «нога». Слово *noga* обозначало сначала, очевидно, только часть ноги и лишь впоследствии стало обозначать всю ногу (*pars pro toto*). Впрочем первоначальное значение не исчезло в славянских языках бесследно: например, ст.-слав. *nogъь*, русск. *ноготь* и т. д., где *-ъь* является древним уменьшительным суффиксом; ср. лит. *pirštūlis* «пальчик» и прусск. *nagutis* «ноготь (у человека)».

На основании списка Я. Розвадовского можно было бы заключить, что старославянскому *prъsi*, польскому *piersi* «грудь» соответствует в литовском языке только *krūtis*, *-iēs* «женская грудь» и *krūtinė* «грудь вообще», в действительности же в литовском языке имеется точно соответствующее славянскому **prъsi* слово *piršys*, *-ių*, но значит оно «anterior

⁴ Ср. «Lingua Posnaniensis»: — I, 1950, стр. 138; — III, 1951, стр. 184.

pars pectoris equini». Кстати сказать, если первоначальная форма слав. *grōdъ*: ст.-польск. (мн. число) *grędzi*, русск. *спудъ* была **grundī-*, то мы имеем здесь дело, повидимому, с звонкой разновидностью лит. *krūtis*. У нас здесь случай, когда одно и то же название части тела относится то к человеку, то к животному.

Некоторые части тела имеют по несколько названий, отличающихся друг от друга иногда только оттенками значения. Может случиться, что в одном языке возобладает в качестве нормального одно, в другом же родственном языке — другое значение. Я. Розвадовский противопоставляет литовскому *burnà* «рот; лицо» славянское *usta*, не учитывая того обстоятельства, что для литовского слова нет точных соответствий ни в латышском, где имеется *mute*, ни в прусском, где находим *austo* = слав. *usta*. Однако литовское *burnà* не совсем одиноко в балтийских языках: оно является разновидностью латыш. *puṛna* и *puṛns* «морда».

Ничто лучше не показывает степени родства славянских и балтийских языков, как группа слов, называемых числительными.

Количественные числительные. «Один»: ст.-слав. *jedinъ* из **ed-inъ*: лит. *vienas* из **v-einas*; к сожалению, до сих пор не выяснено происхождение ни частицы **ed-* в слав. **ed-inъ*, ни элемента *v-* в лит. **v-einas*;

«два»: ст.-слав. *dъva*: лит. *dù* из **d(u)ṽō*;

«оба»: ст.-слав. *oba*: лит. *abù* из **abō*;

«три»: ст.-слав. *trъje*: лит. *trỹs* из **triies*;

«четыре»: ст.-слав. *četyre* из **ketūr-es*: лит. *keturi*;

«десять»: ст.-слав. *desęty*: лит. *dėšimtis*.

Числительные от «пяти» до «деяти» включительно приняли в славянских языках форму существительных, в литовском они стали прилагательными: *peṭy*: *penki*, жен. род *penkios* и т. д.;

«тысяча»: ст.-слав. *тысęшти*, *тысошти*: лит. *tūkstantis*, *-čio* (и *-ties*), также *tūkstančia* (и *tūkstantė*). Это числительное было, повидимому, сложным словом, первой составной частью которого служил корень **ta-*, тот же, что в славянском глаголе **tyti*.

Порядковые числительные. «Первый»: ст.-слав. *prъvъ* из **prъvъ*: лит. *pirmas*; эти слова отличаются друг от друга только суффиксами *-uo-*: *-mo-*;

«второй»: ст.-слав. *vtorъ*: лит. *antras*; слова эти отличаются друг от друга корнями, но обладают тем же суффиксом *-(e)ro-*, *-(o)ro-*, который выражает противоположность между «вторым», т. е. «другим», и «первым»;

«третий»: ст.-слав. *treṭьjъ*: лит. *trėčias*;

«четвертый»: ст.-слав. *četrvtъ* из **ketvirto-*: лит. *ketvirtas*;

«пятый»: ст.-слав. *peṭь*: лит. *penktas*;

«шестой»: ст.-слав. *šestъ*: лит. *šėštas*;

«седьмой»: ст.-слав. *sedmъ* из **sebd-mo-*: прусск. *sep(t)mas*, лит. *sėkmas* из **sept-mas*;

«восьмой»: ст.-слав. *osmъ*: лит. *ašmas*;

«девятый»: ст.-слав. *devęty*: лит. *deviūtas*;

«десятый»: ст.-слав. *desęty*⁵: лит. *dėšimtas*.

Собирательные числительные. Старославянские формы: *dъvoji*, *troji* (*ludъje*); *četvoro*... *sedmoro*... *desętoro* [*brat(r)ije*], русск. *двое*, *трое*, *четверо*... *семеро*... *десятеро*. Литовские формы (с существительными, употребляющимися только во множественном числе): *dveji*, *treji*, *ketveri*, *penkeri*...

⁵ В старославянских текстах порядковые числительные употребляются обычно в сложных формах: *prъvuji*, жен. род. *prъvaja*, ср. род. *prъvoje* и т. д.

Наречные числительные. В значении «дважды, трижды» и т. д. в старославянском языке употребляются выражения с словом *kratъ* «раз», в литовском — выражения с словом *kaŗtas*:

ст.-слав. *dъva kraty*: лит. *dû kartû* «дважды»;

ст.-слав. *tri kraty*: лит. *tris kartûs* «трижды» и т. д.

Имеются в славянских и балтийских языках общие слова германского происхождения, как, например:

ст.-слав. *kotylъ*, русск. *котел*: лит. *kãtilas*, латыш. *katls*, прусск. *catils*; ср. готск. **katils* (род. падеж мн. числа *katile* «χαλκίω»);

русск. и церк.-слав. *stъklo*: лит. *stiklas*, латыш. *stikls*, прусск. *sticlo* «стакан для питья»; ср. готск. *stikls* «чаша, кубок».

Наконец, нельзя не упомянуть здесь, что на территориях славянских и балтийских языков имеются общие названия рек и озер. Я приведу здесь только некоторые из них:

Nida — левый приток Вислы: лит. *Niedà, -õs* — река в уезде Лаздияй, и *Niedûs, -aûs* — озеро в том же уезде; названия эти происходят несомненно от корня, который содержится в санскритском глаголе *nedati* «течет».

Srem — город на реке Варта и *Srijem* из **Sermъ*: лит. *Sërmas* — река в уезде Таураге; названия эти, повидимому, состоят в родстве с санскр. *sârma-h* «течение».

Wieprz — правый приток Вислы; *Wieprzec* — правый приток реки Скавы (правого притока Вислы) и т. д.: лит. *Veprûs, -io* — озеро в уезде Зарасай; мн. число *Vẽpriai, -ių* — местность в уезде Вилкомир.

Wisa — левый приток Одры и правый приток Бебжи (правого притока реки Нарев): лит. *Viešà, -õs* — река в уезде Утена и *Vieštà, -ios* — река в уезде Каунас.

Населенные местности, расположенные на реках и озерах, получают и в славянских, и в балтийских языках названия от этих рек и озер, причем для образования этих названий служит один и тот же суффикс: *-ъsko-* в славянских и *-išk-io-* в балтийских языках: *Полома* — правый приток Двины: *Полоцк*, раньше *Полотескъ*; польск. *Peltew* — правый приток реки Нарев (теперь *Pelta*): *Pultusk*, раньше *Pottowsk(o)* и *Peltowusk*; лит. река *Курà*: *Kùpiškis*; *Pilvè* — река в уездах Мариямполе и Вилкавишкис: *Pilviškiai* — местность в уезде Вилкавишкис, *Vilkaujã* — река в уезде Вилкавишкис: *Vilkaviškis* — город.

*

Подводя итоги всему предыдущему изложению, следует сказать следующее.

Славянские и балтийские языки являются продолжением диалектов одной славяно-балтийской языковой группы. Эту группу надо представлять себе как одно целое, т. е. как происшедшую из одного языка, выделившегося в свою очередь из индоевропейской языковой группы.

Мы не нашли ни одной особенности, которая противоречила бы гипотезе о первоначальном единстве славянских и балтийских языков, т. е. об их происхождении из одного языка. «Старое, унаследованное звуковое различие балтийских и славянских языков», каковое Я. М. Эндзеллин видит в разной судьбе *s* после *i, u, r, k*, оказалось лишь мнимым.

Я. М. Эндзеллин полагает, что от прочих индоевропейских языков балтийские языки отличаются отчасти своей лексикой и, кроме того, следующими особенностями:

1. Первоначальные звуки сохранились в балтийских языках лучше, чем в каком-либо другом живом индоевропейском языке.

2. Звук *i* исчез в балтийской языковой группе в положении после согласных и перед следующими гласными переднего ряда.

3. *m* сохранилось также в положении перед следующими зубными согласными.

4. В спряжении для 3-го лица всех чисел имеется только одна форма (Ср. «*Baltu valodu skaņas un formas*», стр. 9).

Но ни лексика, ни перечисленные особенности в области фонетики не могут быть использованы в духе гипотезы Я. М. Эндзелина о первоначальной независимости балтийской языковой группы от славянской.

Лексика славянских и балтийских языков содержит в себе, как это заметил уже Я. М. Эндзелин, много общих элементов, склоняемых и спрягаемых одинаково. Поэтому мы вправе утверждать, что славяне и балты понимали друг друга, говоря на своих языках, не только в эпоху единства, но и долго после его разрыва.

Славянские языки обладают в исторические времена действительно менее древней фонетикой. Но это объясняется, конечно, только тем, что они, начиная с известной эпохи, стали изменяться интенсивнее, чем балтийские языки.

Одним из признаков древности балтийской фонетики является, по мнению Я. М. Эндзелина, сохранение первоначального *m* в положении перед зубными согласными. Эта особенность на самом деле заслуживает внимания, если сравнивать балтийские языки, например, с латинским (лит. *šimtas*: лат. *centum*), но лишена всякого значения по сравнению с славянскими. Ведь сочетания с первоначальным *m* дали здесь носовые гласные звуки, подобно тому как и сочетания с *n*; ср. старославянские слова *devěť*, *desěť* рядом с лит. *deviñtas*, *dešiñtas*. Относительно более ранней стадии развития славянских языков в этом отношении нет никаких данных.

Звук *i* в положении после согласных и перед гласными переднего ряда исчезал, по видимому, и в славянских языках. Во всяком случае вопрос этот нуждается в подробном рассмотрении; ср. то, что сказано выше о чередовании *iā*: (*i*)*e*.

Обобщение в спряжении формы 3-го лица ед. числа во всех трех числах относится к самостоятельной жизни уже обособившихся балтов и не может служить аргументом ни против, ни в пользу гипотезы о первоначальном славяно-балтийском языковом единстве.

Рассматривая вопрос о взаимосвязях славянских и балтийских языков, ученые ограничиваются обычно сопоставлением реконструированного «праславянского» языка с литовским. Но это вряд ли правильно. Ведь таким образом сопоставляется язык значительно уже измененный (каковым был «праславянский») с тем языком восточно-балтийской группы, который отличается исключительным консерватизмом, особенно в той разновидности, каковую представляет собой литовский литературный язык. Древний характер литовского языка поражает наблюдателя не только при сравнении с славянскими языками, но и с латышским.

Во всяком случае сопоставление «праславянского» (или старославянского) языка с литовским не исчерпывает вопроса о славяно-балтийских языковых связях. Чтобы вполне осознать сущность этих взаимосвязей, надо иметь в виду не только древнейшие явления балтийских языков, сохранившиеся главным образом в литовском литературном языке, но и те, которые возникли в более поздние времена в связи с языковыми взаимоотношениями славян и балтов. Эти явления мы называем территориальными.

Славяно-балтийские территориальные языковые явления распадаются, по-моему, прежде всего на три группы. Одна из них относится ко вре-

мени существования еще единой (без заметного расчленения на диалекты) славянской языковой группы, но уже двух балтийских групп: западной (прусской) и восточной (литовско-латышской). Другую группу славяно-балтийских территориальных явлений следует приурочить к эпохе не распавшейся еще на отдельные языки славянской языковой группы, но самостоятельной уже жизни литовского и латышского языков. Третью группу составляют те территориальные явления, которые обнаружилились в отдельных языках расчлененной уже славянской языковой группы и в отдельных балтийских языках.

Важным общим нововведением славянской и восточно-балтийской языковых групп является, например, форма род. падежа ед. числа на *-ā* у слов с основой на *-o-*: ст.-слав. *vlōka* из **vylkā*: лит. *vīlko*, латыш. *vīlka*. Другая замечательная общая особенность — это форма дат. падежа ед. числа муж. (и ср.) рода местоимений, имеющая окончанием *-mōi* (в прусском *-smōi*): ст.-слав. *tomu*; лит. *tamui*, *tām*, латыш. *tam* (прусс. *stesmu*).

Есть и явления, свойственные, с одной стороны, славянским языкам, с другой, только латышскому и прусскому языкам. Одно из таких явлений — это нисходящий характер длительной (циркумфлексовой) и восходящий характер прерывистой (акутовой) интонации в славянских, а также в прусском и латышском языках в отличие от восходящего характера циркумфлекса и нисходящего характера акута в литовском языке. Другой пример: *š* из *si* в славянских, латышском и прусском языках в отличие от *ś* в литовском языке: ст.-слав. *šiti* из **siuti*; латыш. *šūt*, прусск. *schuwikis* «сапожник» рядом с лит. *siūti*.

Есть и такие явления, которые наблюдаются, с одной стороны, в славянской языковой группе, с другой, только в латышском языке. В славянских языках произошла, как известно, двоекратная палатализация заднеязычных согласных *k*, *g*, *ch* — сначала в шипящие *č*, (*dž*), *š* (перед первоначальными гласными переднего ряда и в сочетании с *i*), а затем в свистящие *с*, (*dz*), *s* (или *š!*) перед вторичными гласными переднего ряда. Этим палатализациям соответствует в латышском языке переход *k*, *g*, если им не предшествовало *s*, перед первоначальными гласными переднего ряда, а также и в сочетании с *i* в *с*, *dz*.

Что касается третьей группы славяно-балтийских территориальных явлений, то здесь примером может служить судьба сочетаний *tj*, *dj*. Эти сочетания дали в восточнославянских языках аффрикаты *č*, *dž*, причем вторая из них *dž* изменилась впоследствии в *ž* > *ž*. Так же изменились сочетания *tj*, *dj* и в восточнобалтийской языковой группе, но с течением времени в латышском языке произошло упрощение, которое охватило, однако, не только *dž* (как в восточнославянских языках), но и *č*: лит. *plaučiai* «легкие», *brīdžiai* «лоси»: латыш. *plauši*, *brīži*.

Отстаивая первоначальное славяно-балтийское единство, приходится все же констатировать, что в течение известного периода времени тот славянский язык-основа, который дал начало историческим славянским языкам, развивался совершенно независимо от известного нам балтийского ответвления.

За этот период балты сохранили свой давний задний уклад органов речи, в то время как славяне приняли передний уклад. В языке славян это изменение сказалось прежде всего в том, что их долгое заднее *ū* превратилось в более переднее *y*; этот процесс имел своим дальнейшим последствием изменения дифтонгов со вторым элементом *u* в монофтонги: *au* (из *au*, *ou*) > *u*, *iau* (из *iu*) > *iu*. Новый передний уклад органов

речи способствовал, понятно, и палатализации согласных, особенно заднеязычных *k, g, ch* [$> \check{c}, (d)\check{z}, \check{s}; c, (d)z, s$ или \check{s}].

У балтов все это осталось попрежнему. У них не изменилось долгое \bar{a} , вследствие чего сохранились и дифтонги с вторым элементом *u*: *au* (из *ai, oi, eu*) и *iau* (из $\bar{e}u$). Не подверглись палатализации и согласные, в том числе заднеязычные согласные *k, g*. Что касается палатализации заднеязычных *k, g > c, dz* в латышском языке, то она относится, повидимому, уже к более позднему времени и возникла как одно из славяно-балтийских территориальных явлений.

Независимое развитие языка предков славян было возможно только потому, что они на протяжении известного промежутка времени не жили совместной жизнью с предками нынешних балтов — их разделяли, повидимому, исчезнувшие впоследствии славяно-балтийские племена. Но по истечении этого периода славяне вновь вошли в соприкосновение с балтами⁶. Тогда-то именно и стали возникать те территориальные явления, о которых речь была выше. Благодаря этим явлениям особенно тесно связанными оказались восточнославянские (русские) языки и латышский. Латышский язык стал в этот период своего рода переходным языком от балтийских к славянским.

⁶ Наличие периода разрыва тесной связи между предками нынешних балтов и славян признавал в свое время и Я. Розвадовский (ср. «Rocznik slawistyczny», V, стр. 17—24).